

УДК 314.72

DOI: 10.17223/19988648/53/8

О.М. Рой

ВЛИЯНИЕ НЕРАВНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ НА МИГРАЦИОННУЮ УБЫЛЬ

В статье проводится анализ влияния неравномерности социально-экономического развития регионов Сибирского федерального округа на миграционную убыль. Статья содержит обзор современных тенденций в сфере миграционных перемещений, выявляются особенности этих перемещений на территории сибирских регионов. На примере Омской области, продемонстрировавшей глубокий демографический спад в последние годы, выделены ведущие факторы влияния на миграционные процессы, отмечена особая роль молодежной миграции. Используя методы количественного и качественного анализа, автор оценивает степень проявления каждого фактора на показателях демографической убыли сибирских регионов. По результатам исследования сделан вывод о неоднозначном и комплексном влиянии факторов на миграционную убыль в сибирских регионах. В заключительной части предложены меры совершенствования пространственной стратегии России на современном этапе.

Ключевые слова: неравномерность развития, Сибирь, миграционная убыль, уровень бюджетной обеспеченности, валовый региональный продукт.

Введение

Неравномерность развития регионов – свойство, присущее большинству современных государств. Трудно найти страну, в которой экономические, социальные и технологические условия были бы идентичными, что вызывает естественные процессы экономического размежевания между территориями. В основе такого размежевания лежит обеспеченность природными ресурсами, технологическая оснащенность их освоения и переработки, готовность местных элит вырабатывать механизмы извлечения имеющихся преимуществ территории в системе общественного разделения труда. Вступление России в рыночные отношения при фактическом сохранении действующей в советский период системы административно-территориального устройства содействовало неравномерности в развитии регионов страны.

Реакцией на неравномерность в развитии территорий выступают миграционные перемещения, связанные с актуальной способностью домохозяйств к смене места жительства в соответствии со своими жизненными установками. Для отдельных территорий эта тенденция оборачивается миграционным приростом, для других – миграционной убылью, т.е. разницей между прибывшими и выбывшими с отрицательным значением за конкретный промежуток времени.

Постановка проблемы

В научной литературе обращается внимание на наличие определенной зависимости между уровнем экономического развития территории и значением ее миграционного сальдо [1, 2]. Отставание одного региона от других способствует перераспределению миграционных потоков в пользу более богатых регионов, что является дополнительным фактором, снижающим потенциал отстающего региона. Однако реальное влияние экономических преимуществ территории на ее миграционную привлекательность является неоднозначным, что подтверждается низкой корреляцией экономических показателей состояния отдельных регионов России (в особенности южных) и миграционными намерениями жителей этих регионов [3, 4]. Невысокие бюджеты ряда регионов Северо-Кавказского федерального округа никак не отражаются на их миграционной привлекательности.

Значительные диспропорции, вызванные миграционными перемещениями, являются отображением сложных социально-экономических процессов, что связано с проявлением множества скрытых факторов, по-разному проявляющих себя в различных регионах страны. И если в одних регионах отмечается небывалый рост миграционного прироста, то в других прослеживается рекордное падение численности населения. Так, по данным Росстата, положительный миграционный прирост был зафиксирован в 28 регионах. Наиболее привлекательными были: Москва (+ 70 424), Московская область (+ 63 361), Краснодарский край (+ 30 555), Санкт-Петербург (+ 20 034) и Тюменская область (+ 9 958). Также немалый миграционный прирост был отмечен в последние годы в Воронежской, Свердловской, Калининградской областях, в Крыму и Севастополе. Тогда как в ряде восточных регионов страны и в первую очередь в СФО и ДВФО были отмечены высокие значения миграционной убыли населения.

Особый интерес влияние неравномерности на миграционные процессы вызывает в сибирском макрорегионе, миграционная убыль которого, пришедшая на последние десятилетия, нуждается в серьезном исследовании [5, 6].

Демографический кризис в России, выражающийся в значительном сокращении естественного прироста, выступает ярко выраженным трендом последних нескольких лет. Предковидный 2019 г. ознаменовался снижением числа рождений с 10,9 до 10,1 на тысячу человек, тогда как число умерших – лишь с 12,5 до 12,3. Что касается рождаемости, то она резко упала во всех регионах страны [7; 8, с. 268]. Сокращение естественного прироста не было компенсировано миграционными потоками, направленными в российские регионы со стороны стран бывшего СССР, которые заметно иссякли уже в нулевые годы [9]. Сибирские регионы в меньшей степени, чем регионы центральной и юго-западной частей страны, испытали увеличение численности населения за счет международной миграции [10]. Тем не менее различия в социально-экономическом положении сибирских регионов стали оказывать определенное влияние на внутреннюю миграцию, способствуя более динамичному развитию одних регионов и отставанию других.

Неравномерность социально-экономического развития регионов прежде всего следует оценивать по показателю валового регионального продукта (ВРП). Анализ состояния экономического развития сибирских регионов на период 2019 г., свидетельствует, что по объему ВРП в Сибирском федеральном округе (СФО) с большим отрывом лидирует Красноярский край. ВРП Красноярского края, по итогам 2018 г., составил 2 316 млрд руб., что почти в два раза превышает показатели региона, занимающего 2-е место в этом рейтинге, – Иркутской области с 1 356 млрд руб. Даже считающаяся ведущим сибирским регионом Новосибирская область занимает в этом рейтинге 4-е место, имея значение данного показателя в 1183 млрд руб. Другие сибирские регионы заметно отстают от лидеров, располагая гораздо меньшими показателями: Республика Алтай – 47 млрд руб., Тыва – 64 млрд руб.

Не меньший разброс в значении показателей можно обнаружить и при исследовании миграционных процессов. В ряде сибирских регионов отмечаются значительные темпы миграционной убыли населения. Так, по результатам 2019 г., Омская область вышла на 2-е место в России по оттоку населения: только в 2017 г. регион покинули 17,6 тыс. чел. Значительные отрицательные показатели по миграционному приросту имеют также Забайкальский край, Бурятия, Кемеровская, Иркутская области. Положительной динамикой в миграции населения в настоящее время обладают только Красноярский край и Новосибирская область, имеющие довольно высокие показатели социально-экономического развития, по сравнению с другими субъектами, представляющими СФО. Всего же, несмотря на то, что в целом по Сибири отмечаются отрицательные значения миграционного прироста – 5 946 чел., а коэффициент миграционного прироста на 10 000 чел. населения в 2018 г. составлял –17 [11, с. 92], только у Новосибирской области этот показатель имел положительное значение – +29, разброс в значениях сибирских регионов по этому показателю является разительным (от –1 (Красноярский край) до 62 (Омская область)).

Однако возникает вопрос: насколько уровень социально-экономического развития региона определяет вектор миграционных процессов и в конечном счете влияет на показатели миграционной убыли?

Оценка влияния неравномерности социально-экономического развития регионов СФО на миграционные процессы

Лидирующие значения Омской области по показателям миграционной убыли послужили стимулом для выявления скрытых факторов, содействующих намерениям жителей покидать достаточно успешный в советское время сибирский регион. Наиболее миграционная убыль велика в молодежном сегменте, который в большей степени чувствителен к воздействию вышеназванных факторов, оказывая негативное влияние на развитие региона в долгосрочной перспективе [12]. Анализ проведенных в период 2018–2019 гг. в г. Омске опросов, осуществленных лабораторией стратегических и региональных исследований ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (рук. – проф.

О.М. Рой) по исследованию факторов готовности граждан к миграциям показал, что наиболее значимыми факторами, влияющими на стремление респондента к смене жительства, являются следующие:

1. Уровень бюджетной обеспеченности региона.
2. Низкий уровень оплаты труда в регионе.
3. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума.
4. Экологическое неблагополучие.
5. Возможность продолжения обучения, получение перспективной профессии.
6. Условия для развития малого и среднего предпринимательства.
7. Степень устойчивости региональной экономики.
8. Климатические условия.

В отношении других сибирских регионов влияние выделенных факторов проявляется по-разному, в зависимости от социально-экономических и социокультурных особенностей исследуемой территории.

Оценка связи уровня *бюджетной обеспеченности* и показателей миграционного прироста свидетельствует о неоднозначном соответствии данных параметров. К примеру, при достаточно скромном бюджете 21,5 млрд руб. Республика Алтай обнаруживает, по данным 2017 г., устойчивый положительный миграционный прирост – 6,1 (на 1 000 чел.) (данные Новосибирскстата), а Тыва при 25,5 млрд уровне республиканского бюджета – 13,2 (на 1 000 чел.). Конечно же, объяснить этот эффект можно природным своеобразием данных регионов, их экологическими и эстетическими достоинствами, а также национальными и социокультурными особенностями. В отношении других сибирских регионов уровень бюджетной обеспеченности в целом оказывает существенное воздействие на миграционные намерения граждан [13, с. 25]. Безусловным лидером здесь является наиболее развитый и промышленно оснащенный сибирский регион – Красноярский край, запланировавший в 2019 г. в качестве своих бюджетных доходов 223,7 млрд руб. Однако в крае с 1 января 2018 г. численность постоянного населения сократилась на 2 471 чел. (или на 0,1%), в первую очередь за счет естественной убыли – на 2 193 чел., миграционная убыль выдала –278 чел.

Неоднозначно можно трактовать и влияние на миграционную убыль *уровня оплаты труда*. По данным 2019 г., лидерами по показателю среднемесячной оплаты труда в Сибири были три региона – Красноярский край (48 425 руб.), Томская область (42 498 руб.) и Иркутская область (44 975 руб.), тогда как аутсайдерами по этому показателю являются Алтайский край (27 123 руб.), Омская область (34 327 руб.) и Республика Алтай (31 780 руб.). Здесь зависимость между уровнем оплаты труда и миграционной убылью является более выраженной, хотя, к примеру, один из лидеров миграционного прироста – Новосибирская область – имеет средние показатели среднемесячной оплаты труда (37 366 руб.) [14].

Следующий статистический показатель – *среднедушевые доходы населения* СФО – также распределен между регионами неравномерно (рис. 1).

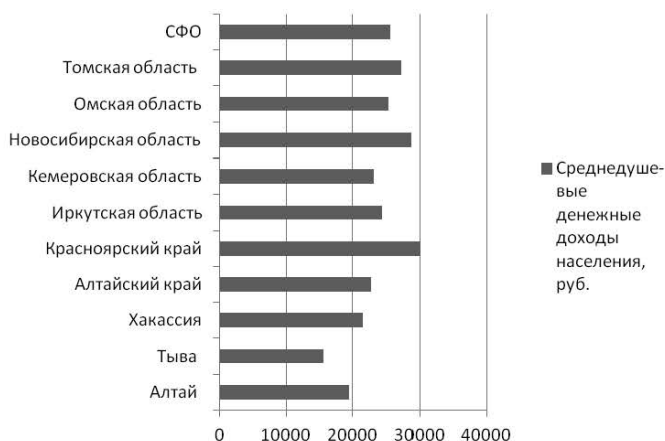

Рис. 1. Среднедушевые денежные доходы населения СФО, руб.

Гистограмма указывает на определенную зависимость между показателями среднедушевых денежных доходов и миграционной убылью, хотя данная связь является опосредованной многими факторами как этнонационального, так и географического характера. Возникает предположение, что на миграционную убыль влияет не столько низкий уровень оплаты труда, сколько растущие показатели пауперизации (обнищания) населения. Поэтому одно из важнейших значений принадлежит показателю *доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума*, который имеет в Сибири достаточно высокую степень дифференциации (таблица).

**Доля населения с денежными доходами ниже
величины прожиточного минимума в СФО (составлено по: [15, с. 153])**

№ п/п	Регион	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума
1	Республика Алтай	24,0
2	Республика Хакасия	18,5
3	Республика Тыва	34,4
4	Алтайский край	17,4
5	Красноярский край	17,1
6	Иркутская область	17,7
7	Кемеровская область	13,9
8	Новосибирская область	14,1
9	Омская область	13,6
10	Томская область	14,7

Однако анализ представленных выше данных также указывает на отсутствие прямой зависимости между показателями доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и миграционной убыли. Следует также учитывать и тот факт, что миграционная

убыль – феномен с высоким уровнем запаздывания. Поэтому текущие изменения того или иного фактора не сразу отображаются на миграционных последствиях. Более того, даже отрицательные значения отдельных факторов могут корреспондировать с положительными значениями миграционного сальдо. Кроме того, высокий уровень бедности приводит к консервации миграционной готовности, неспособности людей кардинально менять условия своего проживания.

Одним из ключевых факторов влияния на миграционную убыль является *экологическое благополучие*. Оценку экологической ситуации в регионе провести достаточно сложно в силу значительного разнообразия критериев экологического состояния. Общий подход, отражающий государственную экологическую политику, определен Федеральным законом № 7-ФЗ от 10.01.2002 «Об охране окружающей природной среды», где в разделе 8 обозначены критерии определения зон чрезвычайной экологической ситуации. По данным общественной организации «Зеленый патруль», приведенным в 2019 г., к наиболее экологически неблагоприятным сибирским регионам относятся: Красноярский край, Омская и Иркутская области. Есть ряд других критериев экологического неблагополучия: к примеру, неблагоприятность региона для производства сельскохозяйственной продукции. В 2017 г. федеральное правительство внесло Тыву, Алтай, Бурятию, Кузбасс и Томскую область в число 29 регионов, которые были признаны неблагоприятными для производства сельскохозяйственной продукции. Барнаул, Новокузнецк, Иркутск и Омск считаются наиболее грязными городами не только в Сибири, но и в России в целом. Следует отметить, что способность органов региональной власти влиять на политику экологически опасных предприятий заставляет последние модернизировать свое производство и сокращать неблагоприятные последствия воздействия на среду. В целом можно говорить об определенной связи миграций и экологического состояния региона, тем более что основная доля проживающих в Сибири приходится именно на города.

Миграционную убыль необходимо также увязывать с *особенностями образовательной и возрастной структуры мигрантов*. Следует отметить в связи с этим важнейшую роль образовательного кластера в Томской области, оказывающего влияние на миграционные показатели. Областная столица региона продолжает привлекать значительную часть молодежи и научных кадров, несмотря на достаточно неблагоприятные миграционные тенденции в целом. Каждый год на поступление в томские вузы подается от 55 тыс. до 63 тыс. заявлений. Общее число бюджетных мест в 6 томских вузах превышает 8 тыс. (к примеру, в Омске в 11 государственных вузов чуть больше 9 тыс.). По данным экспертов, около половины всех абитуриентов в Томск приезжает из других регионов РФ, причем шестая часть – из стран ближнего зарубежья. Проблема здесь заключена в неготовности местных рынков труда ассимилировать большое количество заканчивающих вузы высококвалифицированных специалистов, зачастую вынужденных в поисках работы выезжать за пределы региона.

Одним из ключевых факторов неравномерности становится неупорядоченное распределение средств государственной поддержки и бюджетных мест среди сибирских вузов [16]. Дифференциация вузов по их статусу, экономические возможности регионов и инвестиционные намерения местных компаний оказывают значительное влияние на перераспределение миграционных потоков. Закономерной реакцией на отсутствие доступности к получению профильного образования становится отток молодежи, которая выезжает в регионы, где имеются крупные федеральные университеты, существует более гибкая система распределения бюджетных мест между специальностями, соответствующая структуре территориального рынка. Молодежь традиционно считается наиболее подверженной миграциям когортой, активность которой повысилась в связи с введением ЕГЭ и возможность молодых людей поступать в вузы, находящиеся за пределами мест их постоянного проживания.

Еще одним важным фактором, определяющим характер миграционной убыли региона, представляется *занятость в сфере малого и среднего бизнеса*. Малые предприятия, как никакие другие, ориентированы на регион, будучи чувствительными ко всем изменениям внутрирегиональной конъюнктуры. Возможности перерегистрации малых предприятий при изменении условий их функционирования вызывают тенденции их неравномерного распределения между регионами. Так, к примеру, малое предпринимательство представлено в Омской области – 29,1 тыс. ед., тогда как в Новосибирской области – 77,8 тыс. ед., а в Красноярском крае – 50,0 тыс. ед. [15, с. 373]. Способность региона удержать в сфере своей юрисдикции малый бизнес дает возможность региону не только оставлять у себя большую часть получаемых доходов, но и трудоустраивать местное население.

Фактор степени устойчивости региональной экономики выражается в уверенности респондента в своем будущем, устойчивости сложившихся производственных и коммерческих связей, надежности и емкости имеющейся в регионе ресурсной базы. Влияние этого фактора на миграционную убыль трудно операционализировать, но он способствует формированию определенного психологического климата, который оказывает воздействие на желание человека к изменению места жительства. Огромную роль в этом процессе играют средства массовой информации, формирующие образ территории, оказывающий либо положительное, либо отрицательное влияние на миграционные установки. СМИ задают перспективную модель региона, воплощаемую в оценке качества функционирования базовых общественных институтов, позиционируют условия жизни отдельного региона относительно других. В рамках проведенного опроса на территории Омской области была выявлена высокая степень неверия значительной части опрошенных (до 60%) в перспективы экономического развития региона, подкрепленная низкой оценкой состояния территориального рынка труда. Тем не менее прямой зависимости между негативной оценкой экономического потенциала региона и миграционными намерениями респондента выявить не удалось.

Что касается *климатических условий* как миграционного фактора, то в пределах Сибирского федерального округа он не имеет широкого разнообразия и вряд ли может быть рассмотрен как проявление неравномерности в условиях существования человека.

Таким образом, можно сделать вывод, что ни один из выделенных нами факторов напрямую не оказывает решающего воздействия на миграционную убыль населения в регионах: в каждом конкретном случае показатели миграционной убыли являются функцией совокупного влияния факторов. Однако обнаруженные в разрезе каждого фактора различия между регионами трудно недооценивать. Бесконтрольное нарастание этих различий будет способствовать тенденциям депопуляции отдельных регионов и утрате комплексности в воспроизводстве макрорегиональных социально-экономических связей.

Роль государственной политики России в преодолении миграционной убыли

Принятая в начале 2019 г. Пространственная стратегия России усиливает роль макрорегионов в развитии страны, акцентирует внимание на разработке сбалансированной политики по основным направлениям регионального развития. Макрорегиональный формат социально-экономического развития призван сформировать надрегиональные формы территориальной кооперации, усилить значение межрегионального сотрудничества и нивелировать имеющиеся пространственные диспропорции, вызванные неравномерностью регионального воспроизводства. Вместе с тем необходимо прописать в документе дополнительные меры пространственного развития, противодействующие масштабной демографической убыли на периферийных территориях:

1. Недопущение диспропорций в системе государственной поддержки регионов. Уровень бюджетной обеспеченности региона должен оставаться основным критерием федеральной поддержки.

2. Государственная система бюджетного стимулирования должна осуществляться в соответствии с запросами регионов и особенностями сложившегося там территориального рынка труда.

3. Вполне обоснованная идея развития макрорегионов должна быть дополнена характерными и детально прописанными механизмами взаимодействия бизнес-сообществ, зарегистрированных в разных субъектах федерации, в рамках перспективных кластерных образований.

Заключение

Таким образом, проведенное нами исследование позволило выделить ряд наиболее значимых факторов миграционной убыли, выявленных в процессе опроса жителей региона с наиболее высокими значениями данного показателя – Омской области. Однако анализ этих факторов на основе обобщения статистических данных регионов СФО продемонстрировал сложный характер такого влияния, отображающий специфические особен-

ности того или иного региона, условия его социально-экономического развития. Полученные результаты подтверждают необходимость совершенствования макрорегиональных способов осуществления государственной региональной политики, преодоления нарастающих межрегиональных диспропорций. Нарастание тенденций миграционной убыли в отдельных регионах угрожает деформацией сложившейся системы общественного разделения труда в стране, разрушением хозяйственных межрегиональных связей и может повлечь за собой обострение социально-экономических противоречий в обществе.

Литература

1. Якишбаева Г.В. Анализ динамики и классификация типов трудовой миграции в России // Экономика труда. 2017. № 4. С. 431–446.
2. Воробьева О.Д., Ионцев В.А., Кожевникова Н.И. и др. Миграционные процессы в России / под ред. В.В. Локосова, Л.Л. Рыбаковского. М. : Экон-информ, 2014. 383 с.
3. Абдулманапов П.Г. Влияние миграций на демографическую структуру в регионах СКФО // Успехи современного естествознания. 2016. № 3. С. 108–112.
4. Ракачева Я.В. Основные тенденции миграционных процессов в Южном федеральном округе: демографические и социально-экономические последствия // PRIMO ASPECTU. 2016. № 4 (28). С. 26–30.
5. Воробьев Н.В. Миграция населения Сибири: постсоветские тенденции // География и природные ресурсы. 2019. № 5 (159). С. 172–177.
6. Трибунский С.И., Колядо В.Б., Карташев В.Н., Колядо Е.В. Основные тенденции миграционных процессов в Сибирском федеральном округе // Сибирское медицинское обозрение. 2011. № 4.
7. Срочно нужен третий // Российская газета. 12.03.2020. № 54. (6108). URL: <https://rg.ru/2020/03/12/kak-izmenilas-demograficheskaja-situaciia-v-rossii-v-2019-godu.html>
8. Социально-экономическое положение России: январь-июль, 2020 г. М. : Росстат, 2020.
9. Короленко А.В. Основные черты современного демографического кризиса в России и пути его преодоления // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 79–94.
10. Самаруха В.И., Краснова Т.Г., Плотникова Т.Н. Миграционное движение населения регионов Сибири // Известия БГУ. 2018. № 1. С. 56–62.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019 : стат. сб. М., 2019. 1204 с
12. Киселева А.М. Миграционная безопасность Омской области: молодежный аспект // Вестник СибАДИ. 2018. № 12, т. 15, сквозной номер выпуска – 59. С. 121–132.
13. Новосибирская область. 2018: статистический ежегодник / Территориальный орган ФСГС по Новосибирской области. Новосибирск, 2018.
14. О заработной плате в регионах СФО. URL: https://novosibstat.gks.ru/storage/mediabank/p54_PRESS17_2020.pdf
15. Российский статистический ежегодник. 2019. М. : Росстат, 2019. 713 с.
16. Рой О.М. Влияние государственной образовательной политики на развитие предпринимательства или нужны ли Омской области экономисты? // Национальные приоритеты России. 2018. № 3 (30). С. 52–59.

The Uneven Development of Siberian Regions: Impact on Migration Loss

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53. pp. 100–110. DOI: 10.17223/19988648/53/8

Oleg M. Roy, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: roi_omsk@mail.ru

Keywords: uneven development, Siberia, migration loss, level of budgetary provision, gross regional product.

The article analyzes the impact of the uneven socioeconomic development of the regions of the Siberian Federal District on the migration loss. Using the GRP (gross domestic product) indicator, the author demonstrates significant differences in the level of the socioeconomic development of Siberian regions. The trend towards a decrease in natural increase in Siberia that has emerged in recent years is exacerbated by an increase in migration loss, which has covered a number of regions of the Siberian Federal District. The article contains an overview of modern trends in the field of migration movements, identifies the features of these movements in Siberian regions. On the example of Omsk Oblast, which has demonstrated the most profound migration loss in recent years, the leading factors of influence on migration processes are identified: the fiscal capacity of the region; low wages in the region, the share of the population whose cash income is below the minimum subsistence level; environmental woes; the opportunity of continuing education, obtaining future-oriented professions; conditions for the development of small and medium-sized businesses; the stability of the regional economy; and climatic conditions. Using the methods of quantitative and qualitative analysis, the author assesses the manifestation of each factor in the indicators of migration loss in Siberian regions. The study did not show a direct relationship between the fiscal capacity of the region, the level of wages, and the indicators of migration growth. At the same time, the connection between migration loss and the state support of regions in the educational sphere or the developing assistance to small and medium-sized businesses is more clearly visible. The special role of youth migration is emphasized. The analysis of the identified trends shows that the growing differences between regions will contribute to depopulation trends in some regions and to the loss of complexity in the reproduction of macroregional socioeconomic ties. The author emphasizes that the fiscal capacity of the region should remain the main criterion for federal support, and the state system of budgetary incentives should be implemented in accordance with the needs of the regions and the characteristics of the territorial labor market. In the final part, the measures to improve the spatial strategy of Russia at the present stage are proposed. The idea of macroregional development presented in the strategy should be supplemented by the prescribed mechanisms of interaction between business communities registered in different subjects of the federation, within the framework of promising cluster formations.

References

1. Yakshibaeva, G.V. (2017) Analysis of dynamics and classification of types of labor migration in Russia. *Ekonomika truda – Russian Journal of Labor Economics*. 4. pp. 431–446. (In Russian).
2. Vorob'eva, O.D. et. al. (2014) *Migratsionnye protsessy v Rossii* [Migration processes in Russia]. Moscow: Ekon-inform.
3. Abdulmanapov, P.G. (2016) The influence of migration on the demographic structure in the regions of the North Caucasus Federal District *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya – Advances in Current Natural Sciences*. 3. pp. 108–112.
4. Rakacheva, Ya.V. (2016) Osnovnye tendentsii migratsionnykh protsessov v Yuzhnom federal'nom okruge: demograficheskie i sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya [The main trends of migration processes in the Southern Federal District: demographic and socioeconomic consequences]. *RRIMO ASPECTU*. 4 (28). pp. 26–30.
5. Vorob'ev, N.V. (2019) Population migration of Siberia: Post-Soviet trends. *Geografiya i prirodnye resursy – Geography and Natural Resources*. 5 (159). pp. 172–177. (In Russian). DOI: 10.21782/GiPR0206-1619-2019-5(172-177)
6. Tribunskiy, S.I. et al. (2011) Main tendencies of the migration processes in Siberian Federal District. *Sibirskoe meditsinskoe obozrenie – Siberian Medical Review*. 4.
7. *Rossiyskaya gazeta*. (2020) Srochno nuzhen tretiy [A third one is urgently needed]. 12 March 2020. 54 (6108). [Online] Available from: <https://rg.ru/2020/03/12/kak-izmenilas-demograficheskaiia-situaciia-v-rossii-v-2019-godu.html>

8. Rosstat. (2020) *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii: yanvar'-iyul', 2020 g.* [The socioeconomic situation in Russia: January–July, 2020]. Moscow: Rosstat.
9. Korolenko, A.V. (2014) The main features of the current demographic crisis in Russia and ways of its overcoming. *Problemy razvitiya territorii – Problems of Territory's Development*. 2 (70). pp. 79–94. (In Russian).
10. Samarukha, V.I., Krasnova, T.G. & Plotnikova, T.N. (2018) Migration movement of the population of Siberian regions. *Izvestiya BGU – Bulletin of Baikal State University*. 1. pp. 56–62.
11. Rosstat. (2019) *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2019: stat. sb.* [Regions of Russia. Socioeconomic indicators. 2019: Statistics]. Moscow: Rosstat.
12. Kiseleva, A.M. (2018) Omsk Region Migration Security. Youth Aspect. *Vestnik SibADI – The Russian Automobile and Highway Industry Journal*. 12 (15). pp. 121–132. (In Russian). DOI: 10.26518/2071-7296-2018-1-121-132
13. Federal State Statistic Service in Novosibirsk Oblast. (2018) *Novosibirskaya oblast'. 2018: statisticheskiy ezhegodnik* [Novosibirsk Oblast. 2018: A statistics yearbook]. Territorial'nyy organ FSGS po Novosibirskoy oblasti. Novosibirsk: TOGS.
14. Federal State Statistic Service in Novosibirsk Oblast. (2020) *O zarabotnoy plate v regionakh SFO* [On wages in the regions of the Siberian Federal District.]. [Online] Available from: https://novosibstat.gks.ru/storage/mediabank/p54_PRESS17_2020.pdf.
15. Rosstat. (2019) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2019* [Russian statistical yearbook. 2019]. Moscow: Rosstat.
16. Roy, O.M. (2018) Vliyanie gosudarstvennoy obrazovatel'noy politiki na razvitie predprinimatel'stva ili nuzhny li Omskoy oblasti ekonomisty? [The impact of the state educational policy on the development of entrepreneurship, or does Omsk Oblast need economists?]. *Natsional'nye priority Rossii*. 3 (30). pp. 52–59.